

К осмыслению публицистического пласта романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: Петр Верховенский как архетип

Статья посвящена анализу образа героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Петра Верховенского в литературно-историческом контексте эпохи. Автор обращается к биографии революционера-террориста С.Г. Нечаева и проводит исследование ряда общих типологических черт, присущих людям, проповедующим новую нравственность на благо дела революции. Использование материалов нечаевского дела, газетных и журнальных статей, личные наблюдения, как считает автор, привели Достоевского к созданию архетипа политического радикала (в образе Петра Верховенского).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, С.Г. Нечаев, Петр Верховенский, роман «Бесы», революционер, террорист, новая мораль, архетип, коллективное бессознательное.

Начиная работу над романом «Бесы», Ф.М. Достоевский в феврале 1870 г. из Дрездена писал А.Н. Майкову:

Сел за богатую идею... Одна из тех идей, которые несомненно имеют эффект в публике. Вроде «преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса¹.

Что же это за «богатая» идея, которая настолько захватила Достоевского, что он оставляет свой замысел писать «Житие великого грешника» и начинает новое произведение? В августе 1870 г. писатель отказывается от первоначального сюжетного плана и сжигает написанное. Он радикально перестраивает замысел романа. В этот период Достоевский живет за границей, страдает от отдаленности

России, мучительно пытается выйти из материальной зависимости от кредиторов. И тем не менее он напряженно следит за всем, что происходит не только в литературной, но и в политической жизни страны. От его внимания не ускользает новое направление, в котором движется современное молодое поколение, писатель чувствует доминанту времени грядущего десятилетия. Время философско-теоретических заблуждений постепенно проходило, наступала новая историческая эпоха – эпоха жестких решений и активного действия. Достоевский, в свое время увлеченный идеями утопического социализма (Ш. Фурье), почувствовал, что вместо тех едва ли не романтических салонных бесед на тему справедливости наступает более изощренная система обольщения, которая ориентируется на разрушение нравственного кода личности. Так в роман «Бесы» вливалась новая тема (вместе с характерами новых героев) – тема современного писателю революционного движения, органично заканчивающаяся террором. Достоевский решил показать русскому обществу возможные последствия новых увлечений молодого поколения, и у него неожиданно появился помощник, который продемонстрировал на примере собственной судьбы то, к чему приводят азартные игры в революцию.

Сергей Нечаев был именно тем человеком, который не только дополнил своей биографией образную систему в романе Достоевского «Бесы», но и стал одним из прототипов его «героя» Петра Верховенского. Интересно другое: когда Достоевский ознакомился с материалами судебного процесса над самим Нечаевым, роман уже полностью был опубликован в журнальном варианте (в «Русском вестнике») и готовился выйти отдельным изданием (чуть позже Нечаев закажет его для чтения в Алексеевском равелине). Несмотря на то что многие считали нечаевский процесс мелким и случайным (русское правительство очень старалось его низвести чуть ли не до бытовой уголовщины), Достоевский – один из немногих, кто понял самое важное, что Сергей Нечаев – знаковая фигура в развитии русского революционного движения и он окажет несомненное влияние на весь ход русской истории. Как писал Ф.М. Лурье, «именно Нечаев провозгласил вседозволенность главнейшим средством революционного движения»².

Он мастерски манипулировал людьми, обращаясь к высоким чувствам борьбы за справедливость и счастье угнетенного народа, вербуя их в свою организацию «Народная расправа». Если сначала Нечаеву верили, его воля, спокойствие и твердость производили должное впечатление, то потом начали возникать сомнения и вопросы. Нечаев отмалчивался и требовал железной дисциплины,

основанной на безоговорочном подчинении ему. Однако организация не предпринимала никаких действий, сомнения участников в общем деле все усиливались, и тогда Нечаеву пришла блестящая идея – нарушить общепризнанные нормы морали, совершить преступление и таким способом сделать людей более сплоченными и послушными. А предательство интересов организации, выдача имен заговорщиков полиции, несомненно, было самым страшным из всех возможных поступков. Именно о предательстве и стал говорить Нечаев, толкая людей к преступлению. К тому же нашелся человек, который открыто выразил недоверие Нечаеву и публично разорвал с ним отношения. Это был студент И.И. Иванов.

Нечаев принял беспрецедентное в истории революционного движения решение: он решил организовать убийство Иванова, убедив остальных в его предательстве. Страх быть выданными царской охранке, железные доказательства и доводы Нечаева привели заговорщиков к чудовищному преступлению – они убили своего товарища под непосредственным руководством Нечаева.

Драма в гроте Петропавловского парка высветила Нечаева с практической стороны. Оказалось, что он не только склонен к размышлениям о «насилии внутри насилия», но и способен воплотить свои теории. Способен не просто к убийству, а с редкой легкостью убьет кого угодно, если ему это понадобится³.

Преступление было раскрыто и имя убийцы впоследствии стало известно всей России – это был Сергей Нечаев. Конечно, он не был первым, кто совершал или хотел совершить убийство в борьбе за благие и светлые идеалы революции. Концепция индивидуального террора была созвучна его времени. Но в личности Нечаева произошел некий нравственный сдвиг – мораль нового борца цинично оставляла в прошлом нравственность как этический императив с устаревшими определениями Добра и Зла, всю сложность и многогранность человеческого бытия низводила к удовлетворению необходимых потребностей не самых лучших человеческих качеств в угоду низменным желаниям.

Однако пока полиция вела расследование, Нечаеву удалось скрыться за границей, его амбиции привели к идее обновления издания «Колокола» с Бакуниным и Огаревым, с которыми он был знаком с 1869 г. Не любившего Нечаева Герцена уже не было в живых.

Поразительно, что Нечаев сумел не только получить согласие на издание газеты для воплощения своих идей, но и деньги из фонда помощи молодым революционерам-эмигрантам и даже на некото-

рое время очаровал дочь Герцена, которая стала активно помогать ему. Затем все постепенно начало разрушаться: характер Нечаева не терпел товарищеских отношений, он всегда стремился к однозначному первенству, считая методы борьбы своих старших учителей неэффективными. Авторитет Бакунина и Огарева раздражал Нечаева, и он начал собирать компрометирующие материалы на лидеров революционного движения. В тайной борьбе Нечаева все средства были хороши. Поскольку он не верил в убеждения других и не доверял никому, он говорил:

Когда рассуждениями и разговорами нельзя больше действовать на людей, надобно прибегнуть к другим средствам. Ну, например, всех перессорить в каком-нибудь кружке – здесь например, всех эмигрантов, потом поодиночке на них воздействовать, толковать с ними⁴.

Он просил преданного ему друга шпионить за Бакуниным, украл его письма, рылся в бумагах Огарева, поссорился практически со всем окружением. Из России стала настойчиво поступать информация об убийстве Иванова, о котором упорно молчал Нечаев. Факт этого преступления ужаснул революционную эмиграцию, она еще не была готова к такому виду устрашения общества. Все вместе это постепенно привело к разрыву отношений не только с Бакуниным, но и с другими революционерами. К тому же Нечаев не получил политического убежища в Швейцарии, был объявлен в розыск как уголовный преступник. Царское правительство приняло решение судить его за убийство студента Иванова, не акцентируя внимания общества на его политической неблагонадежности. Его судили в Москве за убийство и приговорили к 20 годам каторги, но, побоявшись побега, поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Нечаев умер там через 10 лет от чахотки, ему было 35 лет.

* * *

Достоевский внимательно следил за судьбой Нечаева и нечаевцев, использовал материалы прессы и судебных процессов, личных впечатлений в работе над «Бесами» и своеобразно трансформировал их в соответствии со своим видением проблемы. Однако в письме к М.Н. Каткову он сделает признание:

Одним из крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет... Моя фантазия может в высшей степени

разниться с бывшей действительностью, и мой Петр Верховенский может несколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создано воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения, бесполезно выставить такого человека...⁵.

Достоевский подчеркивает, что Верховенский – это не Нечаев, и в черновиках сначала появляется Студент (как образ современного нигилиста), позже Нечаев и лишь потом Верховенский наряду с Нечаевым. В окончательном варианте романа фамилия заговорщика-террориста отсутствует. Достоевский обобщает образ, стирает черты реального исторического человека, углубляя его художественными деталями, которые делают героя более страшным и зловещим.

Внезапно появившись в городе, Петр Верховенский становится одной из центральных фигур повествования. Он производит довольно странное впечатление на окружающих: «Как будто какой-то чудак... Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится»⁶, говорит быстро и очень самоуверенно, да так, что возникает ощущение, «что язык у него во рту должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком»⁷. Это язык змея-обольстителя, манипулятора, лгуна, провокатора, настоящего беса, который вводит в искушение весь город, постепенно погружая всех его обитателей в страх самых разных оттенков – у губернатора это страх беспорядков, у «наших» (sic!) – быть разоблаченными, у Кармазинова – неожиданной смуты (успеть уехать), у Ставрогиной – открытия тайн сына: у каждого из героев он свой, но именно Верховенский становится его катализатором. Лгать он начинает с первых минут знакомства – он сразу касается самого наболевшего вопроса для Ставрогиной: женат ли Николай Ставрогин, и сразу перевирает все факты, компрометирует Лебядкина, а также своего отца Степана Трофимовича Верховенского, этим фактически спровоцировав пощечину Шатова Ставрогину. И поразительно, что все сразу начинают ему верить. Но главное, ради чего появляется Верховенский в городе, – это организация, практическое и теоретическое руководство подпольным кружком («пятерки») для начала Всероссийского бунта. И именно в этом обличье раскрываются не только его мотивы, но и его настоящее лицо. Он говорит:

Решился «взять роль» перед приездом в город... но остановился на собственном лице. Ну-с, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глуп, ни умен, довольно бездарен и с луны соскочил,

как говорят здесь благоразумные люди... Но так как дар бездарности у меня уже есть натуральный, так почему мне им не воспользоваться искусственно?»⁸

Достоевский выбирает для определения его характера «дар бездарности». Незаметный с первого взгляда, ничем не примечательный, бесцветный человек, без особых талантов, Верховенский входит ко всем в доверие, приобретает значимость и постепенно начинает подчинять себе людей и манипулировать ими. И еще одно признание: «Я без дисциплины ничего не понимаю... Я ведь мошенник, а не социалист...»⁹. Если Нечаев блефовал во имя идеи, но готов был умереть за нее, то Верховенский безграничен в своем цинизме, он лжет ради достижения личных целей и не собирается рисковать своим благополучием. Убийство Шатова ему необходимо прежде всего для удовлетворения своего оскорбленного чувства. Он умело толкает на кровавое преступление других, оклеветав Шатова и создав ситуацию, в которой тот выглядит политически неблагонадежным. Ради воплощения своих чудовищных замыслов по поводу установления будущего порядка Верховенский готов уничтожить все нравственные законы, стереть все общечеловеческие нормы, начиная не просто с отрицания религиозных, эстетических постулатов, но с замены истинных ценностей на ложные с пафосом конечной правды во имя счастья большинства. Верховенский мастерски владеет искусством подмены ценностей, теоретически он опирается на программу еще одного члена своей группы, Шигалева (который при этом отказался принимать участие в убийстве Шатова):

...у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук, талантов... Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны...¹⁰

Верховенский уверен, что теоретиков немало, но они не могут стать практиками, людей действия пока нет. Правда, один человек все-таки нашелся. «Но один, один человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я»¹¹.

Главные страсти Верховенского – это власть и упоение политическим превосходством той новой веры, которую он предлагает, веры в разрушение старой морали. Этическая структура старого общества должна быть уничтожена, а начать нужно с эстетики, не-

случайно нигилистов так раздражали Пушкин и Рафаэлевская мадонна. Красота не нужна в новом обществе, вернее, в страсти уничтожения появляется соблазн обольщения новой красотой, которую понимают и чувствуют эти представители новой религии. Так начинается конфликт эпохи, конфликт отцов и детей, что уловил Достоевский. Революционные радикалы видят свою красоту в разрушении всего, созданного до них. В одном из писем Н.Н. Страхову Достоевский, размышляя о судьбе Парижской коммуны, писал:

Пожар Парижа есть чудовищность... Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, КРАСОТОЮ. Итак, эстетическая идея в новом человеке помутилась. Нравственное основание общества... путается в желаниях и идеалах¹².

Впервые на это обратил внимание В.К. Кантор в статье «Бесы versus Мадонна»¹³.

И дело не только в том, что «пятерка» Верховенского совершает отвратительные поступки, гораздо хуже их уверенность в том, что это хорошо и совершается во благо. Именно с этого момента и начинается формирование новой модели личности и нового культурологического кода. Петр Верховенский не просто мерзавец, а мошенник, в его личностной структуре происходит процесс «рекомбинации и мутации культурного материала», как заметила И.А. Паперно в книге о Н.Г. Чернышевском¹⁴. Достоевский фиксирует появление «нового человека», историческим прообразом которого был Сергей Нечаев. Он предчувствует, что эпоха индивидуального террора, начавшаяся с выстрелов в царя и других представителей власти, закончится массовым террором. Неслучайно, что в «Бесах» так много убитых. Писателя не обманывает ни историческое, ни эстетическое чутье.

Верховенский – самый цельный герой в романе, его не посещают сомнения и рефлексия. «Я себе не противоречу», – утверждает он¹⁵. Он всегда решительно действует, не сомневаясь в своих силах и успехе, хотя никто по-настоящему и не знает, кто он – секретный осведомитель или член Международного революционного комитета. Это, пожалуй, единственная его двойственность, которая обыграна в сюжете романа (двусмысленность его положения для губернатора). Он блестяще организует одно убийство за другим и уезжает, когда понимает, что все самое главное для него уже сделано. С первого появления он пробуждает в душах обывателей самые низменные чувства, которые приводят в конце концов к убийству невиновного человека. При всем поведенческом радикализме того

времени до уголовщины в революционном движении дошли только Нечаев и герой романа. Беря материал из жизни, но не зная некоторых нюансов биографии Нечаева, Достоевский характерологически угадал эти детали и художественно воплотил их в Петре Верховенском. Он сделал его хуже реального прототипа. Шантаж, воровство, подделка бумаг и документов, клевета на невинных людей, запугивание, манипуляции – все это было в арсенале Нечаева, но материалы воспоминаний о нем появились лишь в XX в. Достоевский, который не мог знать многого, многое мог себе представить. Он органично обобщил эти качества в своем герое, сделав их типичными и в той или иной мере лично повторяющимися в среде революционных заговорщиков.

В романе погибают почти все главные герои, половину ждет каторга и только Верховенский благополучно исчезает из города, уезжая первым классом в Петербург. И это важная деталь романа: Верховенский вечен, предупреждает Достоевский и не ошибается. Именно он, а не демонический красавец Николай Ставрогин и станет носителем особого архетипа политического лидера нового типа: иногда революционера-радикала, доходящего до терроризма, в другой раз – ловкого политика, цинично уверенного в превосходстве «новой морали». Достоевский сделал образ Верховенского архетипом для всех практиков, соблазненных идеями «осчастливливания» отдельного народа или всего человечества. Именно этот герой стал неким поведенческим символом для определения негодяя, существующего вне времени и пространства, диалектически объединившего в своем характере единичное со всеобщим. Уже в 1907 г. видный большевистский деятель Станислав Вольский (псевдоним А.В. Соколова) попросил В.И. Ленина объяснить по поводу одного человека, имевшего дурную репутацию, которого выбрали в Центральный Комитет. «Центральный Комитет для того, чтобы быть работоспособным, должен состоять из талантливых журналистов, способных организаторов и нескольких негодяев», – уверенно ответил ему Ленин¹⁶.

Личность такого склада, как Верховенский, мастерски действуя на коллективное бессознательное большинства, достигает поразительных результатов. «В самом деле, человек постоянно забывает, что нечто, бывшее когда-то добром, не может оставаться добром всегда и вечно»¹⁷. Меняя нравственную установку в восприятии людей, осуществляя подмену Добра Злом, пробуждая новые эмоции архаическими символами веры, он ведет за собой миллионы, и XX век уже продемонстрировал это, на очереди XXI век. Эта корреляция нравственного чувства происходит незаметно, неуклонно

превращаясь в необратимое зло, разрушающее все и всех вокруг. В романе Достоевского не очень приятные шуточки Верховенского и его последователей сначала лишь коробили обитателей города, но были приняты обществом (современно, в духе времени), а лишь потом привели к пожарам, волнениям рабочих и жестоким убийствам.

Если в жизни случается нечто такое, которое соответствует архетипу, он активизируется... Поистине нет такого зла, которому человек не предался бы всей душой, находясь под властью архетипа¹⁸.

Когда роман «Бесы» вышел отдельным изданием, Достоевский подарил его наследнику престола, будущему императору Александру III, сопроводив письмом:

...Вы, может быть, обратите хотя малое внимание на мою попытку, слабую – я знаю это, – но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор остающейся во главе русской жизни¹⁹.

К сожалению, ни власть, ни русское общество не оценили должным образом ту опасность, о которой предупреждал Достоевский, изображая Верховенского.

Примечания

¹ Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову, 12 (24) февраля 1870 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29 (1). С. 107.

² *Лурье Ф.М.* Нечаев: созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 11.

³ Там же. С. 166.

⁴ Литературное наследство. Т. 96: Герцен и Запад / Отв. ред. С.А. Макашин, Л.Р. Ланский. М.: Наука, 1985. С. 454.

⁵ Ф.М. Достоевский – М.Н. Каткову, 8 (20) октября 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 141.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Бесы // Там же. Т. 10. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Там же. С. 175–176.

⁹ Там же. С. 324.

¹⁰ Там же. С. 323

¹¹ Там же. С. 324.

- ¹² Ф.М. Достоевский – Н.Н. Страхову, 18 (30) мая 1871. Дрезден // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 214.
- ¹³ Кантор В.К. Бесы versus Мадонна // Октябрь. 2007. № 9. С. 138–145.
- ¹⁴ Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 9.
- ¹⁵ Достоевский Ф.М. Бесы. С. 325.
- ¹⁶ *Volsky S.* Dans le Royaume de la famine et de la haine: La Russie Bolcheviste. P.: Impr. Union, 1920. P. 26.
- ¹⁷ Юнг К.Г. Проблема типов в поэзии // Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. С. 280.
- ¹⁸ Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М.: Канон, 1996. С. 91–92.
- ¹⁹ Ф.М. Достоевский – А.А. Романову (наследнику). 10 (22) февраля. Петербург // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 260–261.